

О. В. КЛЕЩЕВИЧ

Лабиринты алхимии

Ольга Витальевна Клещевич

Лабиринты алхимии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36263175

Лабиринты алхимии. / Клещевич О. В.: Алетейя; Санкт-Петербург;

2017

ISBN 978-5-906910-97-4

Аннотация

В книгу вошли произведения, раскрывающие возможность разгерметизировать алхимические тексты на основе оригинальной методики их интерпретации. Это монография «Алхимия: выход из спагирического лабиринта» и четыре статьи, освещающие различные аспекты алхимии и демонстрирующие непредвзятый подход к работе с разнообразными жанрами алхимических трактатов, содержащих одну и ту же тему – описание теургической практики как способа взаимодействия с алхимическим Духом Меркурием. В целом книга предлагает вниманию читателей ответы на следующие вопросы: как устроены алхимические трактаты; о чем они повествуют; кто были их создатели, каких этических и практических установок они придерживались; как они позиционировали алхимию по сравнению с другими эзотерическими течениями, отстаивая ее идентичность и уникальность.

Содержание

Введение	5
Алхимия: выход из спагирического лабиринта	8
Предисловие	8
157 Алхимических Канонов Ф.М. Ван Гельмонта	15
Для любителей Герметических исследований	15
Некоторые Философские правила или Каноны, касающиеся Камня Философов	17
Глава I	35
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Клещевич

Лабиринты алхимии

Рецензент:

Р.А. Гимадеев, кандидат филологических наук

Введение

Готовы мы к тому, или нет, хотим мы того, или нет, но то, что скрывается за понятием герметизм, пронизывает нашу культуру сверху до низу. Человечество существует в парадоксальной ситуации: *нечто*, являющееся не только подкладкой, но и основной тканью культуры, скрыто от глаз ее носителей плотной завесой. На обычном, бытовом уровне отголоски этого *нечто* часто связывают с колдовством – самонадеянными попытками навязать свою волю Сущему, и у некоторых эта идея пользуется успехом. Далекие от бытового уровня надменные традиционалисты презрительно толкут об этом *нечто* воду в ступе, купаясь в само навеянной исключительности, незаметно для себя соскальзывая из метафизики в психоанализ, желчно ими же поносимый. Напыщенные ученые публично твердят о своем страхе войти за этим *нечто* внутрь культурных пластов, опасаясь потерять объективность наблюдателя, рассматривающего нарисованный на стене очаг. И никто не пошевелит пальцем, чтобы с «пруфами», как модно теперь изъясняться, в руках, напрямую поработать со смыслами эзотерических текстов.

Защищая позиции такой привычной «рациональной» плоскости, мы не даем себе разрешения обратить внимание на исконные способы связи частей Сущего между собой, на готовые к работе «станции» для подключения к этому Все-

ленскому эфиру, спрятанные в нас самих. Из этих возможностей и способностей мы сделали разнообразные страшилки, обставили ограничениями, не давая себе право услышать то, о чем толкует нам множество эзотерических текстов, что ежечасно переплетается между собой утком и основой в ткани нашей собственного бытия. Хуже того: современный человек продолжает упорствовать в своем залипании в парадоксальной ситуации: придумав себе ограничения и назвав их рациональными, он заткнул ими, будто бирушами, уши, повязал черную тряпку на глаза и старается дремать, делая вид, что не догадывается, что его затянувшаяся депрессия связана с вопиющим противоречием между собственной добровольной глухослепотой и лезущей на него из всех щелей «нерациональной» информацией. Впрочем, не стоит давать людям советы, как структурировать свое время в ожидании *rigor mortis*...

Книга, которую вы держите в руках, вряд ли относится к «современному научному мировоззрению», ибо современное религиоведение и эзотериология отрицают возможность проникновения за герметическую ширму мировых традиций. На наших глазах, новорожденная эзотериология, подражая религиоведению, превращается из многообещающего научного направления, в склад, где хранятся разнообразные мнения по поводу истории профанных течений, связанных с идеологической обработкой населения. Однако «герметическая традиция» имеет множество текстов, и добросовест-

ному исследователю стоит всего лишь внимательно прислушаться, к тому, о чем они повествуют, и «секреты» откроются, предоставляя обширное поле для непредвзятой, действительно научной работы. К сожалению, современная эзотериология не утруждает себя подобными процедурами, сконцентрировавшись на описательности и ответах на вопросы: «где» и «когда», не торопясь отвечать на вопросы «что» и «как».

Книга «Лабиринты Алхимии» отражает лишь первые шаги на пути извлечения знаний, спрятанных на извилисто закрученных дорожках эзотерических ландшафтов. Путеводными указателями в этом хаосе смыслов, для автора стали алхимические трактаты, как практические пособия по улавливанию и постижению того самого *нечто*, неустанно ткущего окружающий нас мир. В книгу включены: монография «Алхимия: выход из спагирического лабиринта» и четыре статьи, освещающие различные аспекты алхимии. Эти произведения предлагают вниманию читателей ответы на следующие вопросы: – как устроены алхимические трактаты; – о чем они повествуют; – кто были их создатели, каких этических и практических установок они придерживались; – как они позиционировали алхимию по сравнению с другими эзотерическими течениями, отстаивая ее идентичность и уникальность.

Алхимия: выход из спагирического лабиринта

Предисловие

Много лет назад, взяв в руки книгу «Философские обители» Фулканелли, я изумилась тому, насколько понятно, хоть и достаточно хаотично, автор излагает древнюю премудрость, о сути которой я до того момента не имела никакого представления. Как и большинство наших современников, я была убеждена во «лженаучности» алхимии и в «шарлатанстве» ее адептов. В свое время некоторый интерес к ней пробудили у меня книги К.Г. Юнга, но не столько своими выкладками и «прозрениями», сколько пространными цитатами из трактатов алхимиков былых времен. Сами тексты явно противоречили выводам, которые делал из них Юнг. Однако причудливая амальгама нестыковки авторитета психоанализа и того, на чем он строился, сплавленная с текстом «Философских обителей» Фулканелли, в какой-то момент стала недвусмысленно подталкивать меня к тому, чтобы «взять и со всем этим разобраться».

Чем больше я читала Фулканелли, тем больше понимала, что алхимические трактаты, изобильно им цитируемые,

толкуют совершенно не о том, что принято считать. К тому же стало очевидно, что при определенном, грамотно сконцентрированном упорстве, в сочетании с хорошо продуманной стратегией, можно получить ответы на давно стоящие перед интересующимися алхимией вопросы: с какой целью писались алхимические трактаты? о чем они толкуют? что обозначают химические элементы в трактатах? что подразумевают стадии Великого Делания? что обозначают названия планет и имена богов? А также: в чем смысл, природа и направленность этой традиции в целом и почему так настойчиво она из века в век напоминает о себе, обласкивая одних и разочаровывая других своих ярых поклонников?

Однако хорошо продуманная стратегия подразумевала наличие метода, используя который можно было объяснить, как осуществить проникновение в глубину алхимического текста и то, к чему это приведет. Следовательно, нужно было обратиться к какому-либо конкретному алхимическому трактату и осветить, шаг за шагом, те вопросы, которые он поднимает, и параллельно с этим – давать ответы на них, извлекая их из текста самого трактата, или – некоторого числа трактатов, раскрывая их герметическую форму. Но как нащупать ту ниточку, потянув за которую можно распутать весь герметически намотанный клубок? Поиск методики происходил мучительно и долго, пока не случилось «сверхъестественное» вмешательство видения, постигшего меня в читальном зале Библиотеки Академии наук. Записан-

ное по свежим следам в дневник, оно выглядит, словно зачин волшебной сказки. «Когда Франциск Меркурий Ван Гельмонт закончил сочинение своих „157 Алхимических Канонов“, он задумался над тем, что написаны они весьма или, даже можно сказать, — слишком доходчиво и с этим надо что-то делать...

Поразмыслив, он взял ножницы и разрезал рукопись на 157 частей, соответствующих количеству Канонов, после чего встал от письменного стола и бросил всю эту кипу бумаги на расстеленный посреди кабинета ковер. Затем он вызвал колокольчиком служанку и распорядился относительно варки полстакана клейстера, с тем чтобы после того, как передаст указания хозяина на кухне, она вернулась в кабинет и собрала в подол передника все разбросанные по полу бумаги.

Вернувшись, девица со смешным кряхтением уселась на ковер и долго собирала бумажки, то и дело сокрушенно справляясь: „А может, их все-таки сложить по порядку?“

Когда все Каноны были собраны, Ван Гельмонт велел служанке встать рядом со своим креслом и оттопырить край передника, чтобы ему было удобнее доставать оттуда листочки один за другим. К этому времени и клейстер подоспел. Франц Меркурий брал наугад вытащенные бумажки и приклеивал их на чистые листы по вновь случившемуся порядку. Когда все они заняли свои места, он, пронумеровав страницы, справа и слева, отрезал ту их часть, где были простав-

лены первоначальные номера и спрятал эти части к себе в стол под замок, а остальное велел отнести переписчику.

В результате спустя 325 лет мы имеем то, что имеем – мало того, что написаны эти 157 Канонов достаточно туманно и заковыристо, так еще и последовательность их умышленно перепутана, а те отрезанные части страниц, содержащие первоначальные номера, уважаемый Философ, полагаю, уничтожил перед смертью...»

Когда видение отступило, я поняла, что наиболее удачной базой для создания собственной методики интерпретации алхимических текстов будет именно трактат «157 Алхимических Канонов» Франциска Меркурия Ван Гельмонта, к тому времени уже мной переведенный. Эта незамысловатая сценка, возникнув в моем сознании, натолкнула меня на мысль повторить эту процедуру, – но в обратном порядке, чтобы получить возможность восстановить первоначальный замысел автора, что в конечном итоге вылилось в длительную герменевтическую работу, которая, со временем, обрела свою собственную внутреннюю логику

В преамбуле к тексту «157 Алхимических Канонов» Ван Гельмонт-младший писал: «Все книги Философов, в которых трактуется понимание Герметического Лекарства, являются ничем иным, как Спагирическим¹ Лабиринтом, в ко-

---

¹ По словам Фулканелли, спагирики – это те, кто «превратно поняли аллегорический язык герметических писаний». – Фулканелли. Философские обители и связь герметической символики с сакральным искусством и эзотерикой Великого Делания. М.: Энигма, 2004. С. 127.

тором, по большей части, Ученики искусства сталкиваются с различными Проволочками и Обманами, так что даже и по сей день наличествует, но весьма немного, тех, кто нашел из него истинный выход». Сообщая там же, что «движимый Состраданием, предложил такие Правила, которые являют полные Физические Причины и Истины, содержащие целое Искусство, ясно изображенное, как на письменном столе», Ван Гельмонт и в самом деле предложил текст, удобный для разбора и интерпретации, благодаря наличию пронумерованных канонов, из одного-двух предложений, но не менее герметичный и «скрытый под многими Покровами», чем любой другой алхимический текст.

В процессе герменевтической работы мне удалось восстановить первоначальный порядок очередности «157 Алхимических Канонов», что дало возможность в конечном итоге выявить культурные коды и смыслы основных Арканов Великого Делания и ответить на поставленные в начале работы вопросы. Их анализ позволил утверждать, что алхимические практики являются духовными упражнениями, имеющими отношение в большей степени к формированию умов, а не к их информированию. Более того, выяснилось, что «работа над собой» при помощи чтения алхимических текстов является основой той части традиции, которую алхимики называли Влажным путем.

К чему привело меня невольное следование «Влажному пути» алхимиков? Оно позволило мне проанализировать

текст «157 Алхимических Канонов» Ф.М. Ван Гельмонта одновременно на формальном, семантическом и функциональном уровне. Это, в свою очередь, позволило очертить модель, в которой существует алхимическая традиция, описать автора алхимического текста и его адресата – не каждого, но читателя, готового к «духовной работе», приводящей, при известных обстоятельствах, к обретению им статуса ученика или коллеги. Немаловажным результатом работы было вычленение традиционной структуры алхимического трактата, что само по себе явилось прорывом в изучении содержания алхимических текстов и в конечном итоге вылилось в выявление основных смыслов алхимической терминологии. Именно выявление модели алхимического взаимодействия человека с материальным и духовным мирами позволило четко определить предмет, цель, необходимые способности как инструменты алхимического праксиса и способы их стяжания в алхимической традиции. В процессе этой работы постепенно, шаг за шагом, алхимический мир раскрывал себя, показываясь с необычной и даже с неожиданной стороны, в чем можно убедиться, ознакомившись с подробной подстрочной интерпретацией всех 157 Канонов, представленных в книге.

В заключение мне остается только повторить коду «157 Алхимических Канонов» Ф.М. Ван Гельмонта, в надежде на то что, прочитав эту книгу и пройдя алхимическим путем «Спагирический Лабиринт», читатель не только полу-

чит представление о содержании трактата и способах разгадки заключенных в нем тайн, но и прикоснется к сокровенным смыслам алхимического универсума: «Здесь ты имеешь (дружественный Читатель) те Философские Каноны, без которых, кем бы ты ни был, вряд ли достигнешь желанного конца. Если ты воспримешь эти Герметические Основы благодарным умом и осуществишь Себя по этой Теории с благочестивыми Размышлениями, время сможет в будущем принести тебе Praxis этих Правил, не совершенный или единственно верный, как я показал некоторым, но Полный и Законченный, подтвержденный многими Аргументами и вескими Доводами. А засим, Прощай».

157 Алхимических Канонов

Ф.М. Ван Гельмонта

Эти 157 Алхимических Канонов в кратком изложении содержат то, что принадлежит химической науке. Они составлены по труду и исследованию Eremita Suburbanus. Отпечатаны на латыни в Амстердаме, октябрь 1687 г., в добавление к некоторым другим философским канонам и правилам Герметической науки. Переведены на английский и опубликованы в интересах прилежных работников истинной химии. Chr. Rasche, Лондон: для автора, продал В. Купер. 1688.

Для любителей

Герметических исследований

Все книги Философов, в которых трактуется понимание Герметического Лекарства, являются ничем иным, как Спагирическим Лабиринтом, в котором, по большей части, Ученики искусства сталкиваются с различными Проволочками и Обманами, так что даже и по сей день наличествует, но весьма немного, тех, кто нашел из него истинный выход. Ибо, если в этом Лабиринте некий простой Путь и явил себя Грешным и Заблудшим, и им показалось, что он выве-

дет их наружу, в настоящее время, имеют место некоторые непроходимые закоулки, которые удерживают их в бессрочном Заключении. Так, если в Писаниях Философов очевидные и простые Пути иногда предлагают себя сами и, на первый взгляд, представляются Исследователям ясными в соответствии с Написанным, тем не менее, неосторожные операторы, будучи обманутыми открытыми словами Философов, принимают участие в бесчисленных Мистификациях. К этому можно добавить, что многие Псевдохимики, введенные в заблуждение благовидными Мошенниками и Плутами, распространяют и продают направо и налево Операции и Процессы, в которых они обещают Золотые Горы Легковерным; сеют плеве́ла, призывая затем надеяться на Пшеницу. Посему я, движимый Состраданием, предложил такие Правила, которые являют полные Физические Причины и Истины, в которых заключено целое Искусство, ясно изображенное, как на письменном столе. Проверь и тщательно взвешивай их, отстаивай свое Мнение, вооружась крепкими аргументами, и после этого ты не ошибешься. Ибо тот, кто без рассуждения верит каждому Софисту, желает быть обманутым. Подлинное искусство скрыто под многими Покровами, с помощью которых можно опрометчиво и легко быть поставленным в тупик. Потому, прежде чем приступить к работе, хорошо взвесь и тщательно рассмотри естественные Причины вещей; и без этого не подступай к материи. Ибо лучше посвятить свое время усердной Медитации и глубокому Раз-

мышлению, чем подвергнуться Наказанию глупости и опрометчивого Безрассудства. – Прощай.

Некоторые Философские правила или Каноны, касающиеся Камня Философов

То, к чему мы стремимся, либо здесь, либо нигде.

1. То, что находится ближе к Совершенству, легче доводится до Совершенства.

2. Вещи Несовершенные не могут посредством какого-либо Искусства стать Совершенными, если их сначала не очистили от мутной Серы и земной Вульгарности, которые смешаны с их Серой и Ртутью; что и осуществляет совершенное Лекарство.

3. Переводить Несовершенную неподвижность без Духа и Серы в Совершенное абсолютно невозможно.

4. Небо Философов превращает все металлы в их первую материю, то есть в Меркурий.

5. Тот, кто стремится довести Металлы до Ртути без Философского Неба, или Металлической Воды Жизни, или – их Тартара, будет в значительной мере ошибаться, потому что Нечистота, изобилующая в Ртути от других Растворений, еще заметна на глаз.

6. Ничто не является совершенно фиксированным, если неразрывно не связано с тем, что фиксирует.

7. Жидкое Золото может быть изменено и превращено в кровь.

8. Следует переводить фиксированное Серебро в Воду, не переводя его в Порошок, ибо это радикально его уничтожит; а его обязательно следует довести до Ртути.

9. Луна не может быть трансмутирована в Солнце, за исключением того, что она опять вернется в состояние живой Ртути (но посредством физической Тинктуры), то же можно сказать и о других Металлах.

10. Несовершенные Тела вместе с Луной можно довести до совершенства и преобразовать в чистое Золото, если довести их вначале до Ртути; и это – посредством белой или красной Серы, посредством добродетели соответствующего огня.

11. Каждое несовершенное тело доводится до совершенства посредством его сокращения до Ртути, а потом через отваривание с Серой на соответствующем огне: для тех, кто порождены Золотом и Серебром; но обмануты и трудились напрасно те, кто стремятся сделать Золото и Серебро другим способом.

12. Сера Марса – это лучшее, что присоединяется к Сере Золота и приносит силу надежного Лекарства.

13. Золото не рождается, если вначале не было Серебром.

14. Природа смешивала и отваривала свои Минералы постепенно и посредством этого процесса, из одного только Корня, породила все металлы, даже Конечную цель Метал-

лов, которая есть Золото.

15. Меркурий испортил Золото, растворенное в Ртути, и сделал его летучим.

16. Камень – это смешение Серы и Ртути.

17. Если, приготовляя Ртуть, не поучиться у искусных Художников, этому не научишься, читая Книги.

18. Приготовление Ртути для Менструма Философов называется Умерщвлением.

19. Рraxis этой большой работы превосходит высочайшие Тайны Природы, и без Божественного Откровения, или Работы самого с собой, через Мастера, ты никогда не добудешь его из Книг.

20. Сера и Ртуть – это материя Камня: поэтому знание Ртути необходимо для того, чтобы взять хорошую Ртуть, посредством которой Камень может быть усовершенствован быстрее.

21. Действительно, существует определенная ртуть, скрытая в каждом Теле, без всяких приготовлений, но Искусство Экстрагирования весьма трудно.

22. Ртуть не может быть преобразована в Солнце или Луну и фиксирована, но только согласно Краткому руководству по Сокращению Великого Делания.

23. Сгущение, фиксация – это одно Делание, только одной вещи, в Сосуде.

24. Сгущение, фиксация Ртути, а также ее окрашивание – все это одна и та же Практика.

25. Степеней Огня, которые необходимо соблюдать в Работе, суть четыре: первая: Ртуть растворяется в своем собственном Теле, вторая: Сера высушивает Ртуть, а в третьей и четвертой, Ртуть фиксируется.

26. Материи, радикально перемешанные в своей глубине на основе своих мельчайших частей, становятся затем неразделимы, как Снег, смешанный с водой.

27. Иные простые вещи, будучи подвержены гниению, изобильнее других.

28. Необходимо, чтобы форма и материя были одного и того же Вида.

29. Однородная Сера подобна Меркуриальной природе, которая производит Золото и Серебро, и эта чистая Сера является золотом и серебром, хотя и не заметна в таком виде для Глаз, поскольку растворена в Ртути.

30. И без Философского Растворения Золота в Ртути может находиться определенная фиксированная Маслянистость, экстрагированная из золота, которая служит вместо фермента, производящего Солнце и Луну, которую Гебер называл Ребис; что осуществляется коротким Путем.

31. Металлы, растворенные в Ртути, вновь приводятся к своему прежнему телу, смешанные с небольшим количеством Фермента, в противном случае они навсегда сохраняют форму Ртути.

32. Небо и Тартар Философов, которые сокращают все металлы до Ртути, являются металлической Аква-Витой Фи-

лософов, которые также называются «наше разложение Экскрементов».

33. Сера и Ртуть состоят из одной и той же однородной природы.

34. Камень Philosophorum есть не что иное, как золото и серебро, одаренные Превосходной и более чем совершенной Тинктурой.

35. Солнце и Луна, в своем собственном надлежащем виде, имеют более чем достаточно для того, чтобы надлежаще сократиться до состояния и власти Фермента – подготовкой и подъемом, посредством чего объем может быть умножен.

36. Главных Несовершенств Ртути – два, а именно: слишком большая Незрелость и слишком изысканный Отвар. [Слова в оригинале *nimis exquisita*, но слово *nimis*, я сужу, должно быть – «минус»; поскольку это хорошо согласуется с Незрелостью и тем, что не Сырье то, что хорошо проварено.]

37. Philosophы соблюдают это, ибо – максима, что все сухие вещи пьют залпом влагу своего собственного вида.

38. Окалина Луны, будучи измененной, поспешно пьет собственную Ртуть; Philosophское Основание Минералов.

39. Сера – это Анима, но – Меркуриальная материя.

40. Ртуть остается или задерживается посредством Серы несовершенных Тел, сгущается в несовершенном Теле и превращается в те же металлические виды несовершенного Тела, Сера которых была сгущена и затвердела.

41. Невозможно создать Солнце и Луну несовершенных

тел посредством Серы, ибо невозможно дать или позволить быть тому, что и так существует.

42. Ртуть всех Металлов – это их Женское семя и их Менструм (растворитель), доведенная так далеко посредством Искусства хорошего Оператора: ибо путем проекции Великого Делания она получает и проходит через качества всех Металлов, даже Золота.

43. Для того чтобы получить красную Тинктуру, Ртуть должна быть одушевлена только с Ферментом Солнца, но белую – только с Ферментом Луны.

44. Работа Философов совершается благодаря весьма легкому труду и осуществляется без особых Затрат, в любое время и в любом месте, и любым человеком, при условии, что он имеет веру и достаточное количество материи.

45. Сера Солнца и Луны оставляет или сохраняет дух своего собственного вида.

46. Солнце и Луна являются подлинными Серой, спермой или Мужским принципом Камня.

47. Каждая вещь, которая имеет силу сохранять и фиксировать, должна обязательно быть стабильной и постоянной.

48. Тинктура, которая дает совершенство несовершенным Металлам, истекает из Источника Солнца и Луны.

49. Всякий, кто принимает Серу Венеры, является обманутым.

50. Не существует ничего, данного Венере Природой, что бы было необходимым для великой Спагирической Работы,

или что может служить для изготовления Солнца и Луны.

51. Заметим, что Золото, преобразованное в Ртуть, прежде чем оно Соединится с Растворителем, не может быть ни Anima (Душой), ни Ферментом, ни Серой и никоим образом не прибылью.

52. Работа, доведенная до конца, может быть воспроизведена огнем, посредством Повторения.

53. Для Работы по Сокращению совершенные тела должны быть доведены до быстрой Ртути и сухой воды, из которых они могут быть правильным образом превращены в Фермент.

54. Приготовление Ртути, которая осуществляется сублимацией (применяемое после пересмотра), лучше, чем то, которое осуществляется путем Слияния.

55. Anima не может запечатлеться в форме, за исключением Вмешательства духа, который является ничем иным, как Солнцем, превратившимся в Ртуть.

56. Ртуть принимает форму Золота при посредничестве Духа.

57. Солнце, растворенное в Ртути, это дух и Anima (душа).

58. Сера и Тинктура Философов представляют собой один и тот же Фермент.

59. Вульгарная Ртуть равна всем другим Ртутным телам и близка их подобию и природе.

60. Фермент делает Ртуть более тяжелой.

61. Если обычная Ртуть не одушевлена (анимирована) или испытывает недостаток Анимы, она ничего не может позволить себе в момент либо универсальной, либо специфической работы.

62. Ртуть, правильно умерщвленная, затем запечатлевается с Анимой.

63. Солнце может быть подготовлено в Фермент, так что одна часть может оживить десять частей обычной Ртути, однако этой Работе нет конца.

64. Ртуть несовершенных тел стоит посередине между обычной Ртутью и Ртутью совершенных тел; но Искусство ее извлечения весьма трудно.

65. Случается, что обычная Ртуть, посредством проекции Камня, превращается в Солнце или Луну, следовательно, она может стать совершеннее, возвысится и сравняется со всеми Меркуриальными телами.

66. Обычная одушевленная Ртуть – это очень большая Тайна.

67. Посредством Сократительного Делания Ртуть всех Тел превращается в Золото или Серебро.

68. Влажное и мягкое тепло называется Именем Египетского Огня.

69. Достойно запоминания, что Луна не приходится матерью обычному Серебру, но определенной Ртути, наделенной качеством Небесного тела – Луны.

70. Металлическая Луна имеет мужскую природу.

71. Вульгарная Ртуть, через холод, принимает вид природы бесплодной женщины.
72. Ртуть полуминералов имеет внешне сходство с природой Луны.
73. Все, что производится из Солнца и Луны; а именно, из двух субстанций,
74. Мужской и Женской, то есть Солнца и Ртути, произрастают вместе из одного.
75. Обычная Ртуть без Приготовления – далека от Делания.
76. Четыре части Ртути, и одна – Солнца, то есть Фермент, представляют собой подлинный брак мужского и женского.
77. Растворение представляет собой растворение Солнца в Ртути.
78. Без Гниения Растворение не совершенно.
79. Гниение выдерживается и простирается вплоть до близны.
80. Таким образом, великий Секрет – это Обмирщение Духа, когда Растворитель приготовлен, ибо посредством его приготавливается Золото.
81. Ртуть растворяет Золото в воде своей собственной формы; то есть в живой Ртути, поскольку оно им и является.
82. Растворение – это начало сгущения.
83. Солнце, превращенное в живую Ртуть, остается в том же виде на короткое время.
84. Фермент высушивает Ртуть и делает ее более тяжело-

весной, стойкой и фиксированной.

85. Солнце Philosophorum называется их источником.

86. Материя преобразуется силою Гниения в Кашицу или Мاستику, которая есть начало Сгущения.

87. Существуют определенные Правила, с помощью которых Сера добывается из Солнца и Луны, посредством чего любая Ртуть может быть фиксирована в золото и серебро.

88. Материя никогда не должна быть удалена от огня, не страдать в холоде, в противном случае результат работы будет уничтожен.

89. Когда материя станет черной, необходимо дать второй градус огня.

90. Лосьон или мыло Philosophorum – это образ; ибо только огонь все выполняет и совершенствует.

91. Яд и зловоние удаляются без добавления чего-либо, посредством Огня, который в одиночку выполняет все.

92. Огонь, посредством своей острой и проникающей Добродетели, очищает и отмывает в сто раз сильнее, чем что-либо еще.

93. В порождении и произрастании любой вещи тепло угасает, и смерть совсем скоро вторгается в растущую материю.

94. Дух есть тепло.

95. Материя, доведенная до белизны, не может быть повреждена и уничтожена.

96. Каждое разложение материи поражается смертельным Ядом.

97. Колба или Сосуд называются Матерью.

98. Добродетель Серы обширна вне термина или предела определенной пропорции, но при этом она не бесконечна.

99. Следует обратить внимание на то, зачем Философы называют их Растворитель материей камня?

100. Сера заслужила название формы, а Растворитель – название материи.

101. Растворитель представляет собой меньший и нижний элементы, а именно: Землю и Воду, но Сера – два высших, а именно – Огонь и Воздух, как мужской агент.

102. Если сломать яичную Скорлупу до того, как появится Цыпленок, он погибнет, то же произойдет и с Сосудом, если его открыть; материя не должна наполниться Воздухом, иначе у вас ничего не получится.

103. Обжиг Ртуты в печи Отражения – это лучше, чем что-либо другое.

104. Философские способы говорить следует старательно отмечать, ибо под сублимацией они понимают растворение Тел в Ртуты посредством первой степени Огня; вторая операция, следующая – когда происходит Вдохновение Ртуты Серой; третья – Фиксация Ртуты в совершенном и абсолютном теле.

105. Число тех, кто ошибается, бесконечно, те же, кто не признают Ртуть в ее собственной форме и объединяют ее с Известью совершенных тел, станут субъектом материи Камня.

106. Белое Лекарство доводится до совершенства третьей степенью Огня, и этот уровень не будет превзойден в подготовке белого Лекарства, ибо, если вы будете делать обратное, вы разрушите работу в белом.

107. Четвертая степень Огня создает Красную материю, а также появляются различные цвета.

108. Работа после того, как будет достигнута степень белизны, не должна продолжаться для получения совершенной красноты, а остается несовершенной, не только для белой, но и для красной Тинктуры; поэтому ее оставляют мертвой, до завершения в совершенной красноте.

109. После пятой степени Огня совершенствования материя получает новые Добродетели.

110. Работа не достигнет совершенства, если Лекарство не будет получено и приведено к тонкости, подобной Воску.

111. Работа Вождения осуществляется посредством добавления двойного или тройного количества Ртути к той, которую дал Камню его Первоисточник.

112. Вождение белого Лекарства осуществляется посредством белой воды, без анимации Ртути Луной, а Вождение красной Тинктуры делается с Ртутью, анимированной Солнцем.

113. Следует добиться, чтобы материя после Вождения превратилась в Кашу или Пасту.

114. Повторяйте Вождение до тех пор, пока не получите отличное Доказательство.

115. Если Ртуть, с которой смешивается Лекарство, превратится в Дым и улетучится, и, поскольку ты не сумел предотвратить это несчастье, она не принесет пользы, ибо материя таким способом вернется назад.

116. Правильно навощенное Лекарство объяснит тебе Тайну Возвращения Короля из Источника.

117. Солнце, приведенное к своей первой Воде или Меркурию, если оно охлаждается или остывает с помощью обычной Ртути, испортит работу.

118. Философы берут материю зрелой и готовят ее при помощи Природы, сокращая в свою *Materia Prima*, с учетом того, что она, как и все вещи, имеет свой Оригинал, и как снег – непрерывно растворяется в воде.

119. Мудрецы сократили годы в месяцы, месяцы в недели, а недели в дни.

120. Первый отвар Ртути, произведенный Природой, является единственной Причиной ее собственного простого совершенства, над которым она не может подняться, посему приличествует помогать своей простоте, сея Золото в его надлежащей Земле, являющейся ничем иным, как чистой Ртутью, Природа которой слегка, но не должным образом, отвarena.

121. Но во втором отваре Ртути, кроме первого – Природного, добродетель Ртути увеличивается в десять раз.

122. И Камень изготавливается из Ртути посредством повторения Отваривания, Солнце перемешивается, ибо по-

средством этого как мужское, так и женское отваривается дважды.

123. Солнце должно быть помещено в Ртуть, чтобы оно могло быть растворено в Сере и затем сварено в Камень Философов.

124. Всякий Философ во все времена созерцал Ртуть, но при этом, тем не менее, он не знал и не понимал ее.

125. Всякая Ртуть любого происхождения, будучи правильно приготовлена подобающим образом, представляет собой материю Камня.

126. Любая вещь, из которой может быть получена Ртуть, является субъектом Философского лекарства.

127. Кто бы ни обратился к писаниям Философов, считая, что понял их, серьезно обманывается, когда заявляет, что его Ртуть – единственная.

128. Одна Ртуть превосходит другую в великой теплоте, сухости, отваривании, чистоте и совершенстве, будучи подготовлена без изъяна и потери формы, очищенная от всех своих излишков, в чем, собственно, и заключается ценность и тайна Камня.

129. Если бы способ приготовления обычной Ртути был известен Notastudious (Буквалистам) от Философии, им не было бы нужды искать какого-либо добра ни в Ртути Философов, ни в металлической и меркуриальной Аква-Вите, ни в Воде камня, потому что все это входит в процесс приготовления вульгарной Ртути.

130. Каждая Ртуть Металлов и Минералов может быть последовательными этапами сварена и возвышена до Меркуриального качества всех других тел, даже до солнечного тела, и, следовательно, будет выведена на уровень и добродетель того, что твоему металлическому телу больше подходит.

131. Обычная Ртуть до Правильного Приготовления не является Ртутью Философов, но после приготовления ее называют именем Меркурия Философов, содержащего в себе истинный путь и способ извлечения Ртути из других Металлов: и это начало большого Делания.

132. Приготовление обычной Ртути осуществляется для получения металлической Аква-Виты.

133. Пассивная Ртуть и Менструм не должны ни в коем случае потерять Внешней формы Ртути.

134. Всякий, кто вырабатывает сулему, производит кальцинирование или осаждение Порошка, вместо живой Ртути (по Завершении Работы Философов), ошибается и полностью обманут.

135. Всякое растворение Ртути в чистой воде, для совершенствования Философской Работы – серьезная ошибка.

136. Составление или создание Ртути Чистой воды – во власти только одной Природы.

137. В великом Физическом Делании непременно требуется, чтобы сырая Ртуть растворяла Золото в Ртути.

138. Если Ртуть будет сокращена в воде, она растворит Золото в воде: и в работе над Камнем это крайне необходи-

мо, Золото должно быть растворено в Ртути.

139. Сперма и Растворитель должны иметь один и тот же внешний вид.

140. Это Доктрина Философов, что необходимо раздражать или разжигать Природу; поскольку, если Растворитель будет сухим, будет напрасным надеяться на его помощь в растворении.

141. Семя Камня должно быть взято в форме, похожей на металлы, и которая очень близко подходит к металлам.

142. Крайне необходимо взять семя Философского Лекарства, которое походит на обычную Ртуть.

143. Это секрет секретов, знать Ртуть и материю, которая будет Растворителем Камня, и форму Ртути совершенных Тел.

144. Ртуть сама по себе ничем не способствует зарождению.

145. Ртуть является стихией Земли, в которой должно быть посеяно Зерно Золота.

146. Семя Золота претендует не только на умножение своего количества, но и на умножение своей добродетели.

147. Совершенная Ртуть нуждается в женщине для работы по зарождению.

148. Каждая Ртуть является результатом и делится на два Элемента: на сырую Воду и Землю, которые приготовлены из Огня и Воздуха.

149. Если кто будет готовить и возвышать Ртуть в Металл,

пусть добавит к ней немного Фермента, чтобы она могла возвыситься до такой металлической степени, какой сможет.

150. Большой Тайной Работы в целом является процесс Физического Растворения в Ртути и сокращение ее в первую материю.

151. Растворение Солнца должно быть совершенством Природы, а не работой рук.

152. Когда Солнце сочетается или женится со своей Ртутью, оно будет в виде Солнца, но великое Приготовление заключается в Известии.

153. Этот Вопрос между мудрецами, может ли Ртуть Луны, которая сочеталась с Ртутью Солнца, быть взята вместо Философского Растворителя.

154. Ртуть Луны имеет мужскую природу, но двое мужчин не могут порождать, так же, как и две женщины.

155. Суть Эликсира состоит в том, что он будет получен и выбран из наиболее чистой Ртути.

156. Тот, кто желает работать, пусть работает в Растворении и Сгущении двух Светил.

157. Золото дает Золотой цвет; Серебро – Серебряный цвет, но кто знает, как окрасить Ртуть Солнцем или Луной, тот постиг великую Тайну.

Конец.

Здесь ты имеешь (дружественный Читатель) те Философские Каноны, без которых, кем бы ты ни был, вряд ли до-

стигнешь желанного конца. Если ты воспримешь эти Герметические Основы благодарным умом и осуществишь Себя по этой Теории с благочестивыми Размышлениями, время сможет в будущем принести тебе Praxis этих Правил, не совершенный или единственно верный, как я показал некоторым, но Полный и Законченный, подтвержденный многими Аргументами и вескими Доводами. А засим, Прощай.

Глава I

Роль герметизма и алхимии в формировании культуры позднего Возрождения и раннего Нового времени в Западной Европе

В бесконечных спорах относительно того, к чему отнести Алхимию: к мистицизму, волшебству, шарлатанству или – «к трем сторонам мировой философии», включающей: «умозрительное познание мира, практическое его изучение и ... некую религиозную практику»², теряется сама суть вопроса, который так до конца на сегодняшний день и не прояснен. До сих пор никто так и не дал ответа на, казалось бы, простой, но, тем не менее, – ключевой вопрос: «Что представляет собой содержание алхимических трактатов?» Все попытки современных герметических философов писать об этом в герметическом ключе приводят к увеличению числа тех же герметических текстов. С другой стороны, относительно академических исследований можно сказать, что рассуждать о «структурах», вычленять герметические идеи в основании новоевропейской науки³ и культуры⁴, не вник-

---

² Книга алхимии: История, символы, практика. СПб., 2006. С. 26.

³ Морозов В.Н., Элкер А.А. Герметические идеи в основании новоевропейской

нуд в содержание алхимических трактатов, а значит – в семантику их символов и смыслов, – означает расписываться в беспомощности в области не только так называемых традиционных наук. Отказ от изучения герметических символов, представляющих собой, как и любые другие символы, онтологическую основу культуры, приводит к умножению симулякров, подменяет изучение символической реальности алхимических текстов ее симуляцией. На мой взгляд, следует разработать методику семиотического анализа алхимического текста, включающую в себя как процедуры, «непосредственно анализирующие семиотические свойства текстов в широком и узком смысле, так и их структурную взаимосвязь»⁵, а также вычленение сообщений («миров») отдельных текстов или сообщения («миров»), которые возникают на основании определенного числа текстов⁶. Что означает: обратиться к какому-либо конкретному алхимическому трактату и осветить, шаг за шагом, те вопросы, которые он поднимает, и параллельно с этим – дать ответы на них, извлекая их из текста самого трактата или – некоторого числа трактатов, раскрывая его герметическую форму. Только

науки: аналитический обзор историографии алхимии // Феномен алхимии в истории науки, философии, культуре. Материалы Первой международной конференции. Вязьма, 2013. С. 99-135.

⁴ Герметизм и формирование науки. Реферативный сборник. М.: ИНМОН АН СССР, 1983.

⁵ Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. М., 2001. С. 75.

⁶ Там же.

проделав подобную работу, мы сможем, наконец, выявить культурные коды основных Арканов Великого Делания, тем самым открывая путь исследования их реального влияния на весь комплекс культурной жизни Западной Европы, осознанные и неосознанные модели деятельности как способы отношения формирующегося новоевропейского человека к окружающему миру, запечатленные в символах герметических текстов. Но вначале сделаем краткий экскурс в историю алхимии и герметизма.

Традиционно алхимия рассматривается как практическое приложение к герметической философии, или же между ними ставится знак равенства⁷. История самого герметизма – философского и религиозно-мистического воззрения, изложенного в герметических трактатах, насчитывает более двух тысяч лет. Однако за всю историю человечества только трем эпохам в истории культуры был свойственен особый интерес к его постулатам и наблюдалось заметное влияние его идей на общественное мировоззрение. Это период эллинизма – III-V вв., затем XV-XVII вв. и, наконец, рубеж XIX-XX вв., (хотя многие авторы относят XVI-XVII вв. к закату герметической философии).

Возникновение герметизма относят к эпохе эллинизма и поздней античности. Авторство многих герметических трактатов приписывается мудрецу Гермесу Трисмегисту. «Гер-

---

⁷ Pereira M. Alchemy and Hermeticism: An Introduction to the Issue // Early Science and Medicine. 2000. Vol. 5. № 2. P. 115-120.

метизм, или Герметическая философия, – пишет современный герметический автор Джаммария, – по существу является внутренней доктринальной областью культуры, которая вдохновляет и информирует, с одной стороны, Алхимию, а с другой – Магизм (то есть ренессансную Магию и ее версию XIX столетия, нашедшую также продолжение и в веке XX-м)»⁸.

Сумма герметических книг, дошедших до нашего времени, предстает в виде двух разделов: высокого и низкого герметизма – определения, которые даются Ф.Ф. Зелинским в его сочинении «Гермес Трижды-Величайший»⁹. К высокому герметизму относятся трактаты «Поймандер» и «Асклепий». К низкому – многочисленные работы по алхимии, медицине, магии и астрологии. Это, прежде всего, знаменитая «Изумрудная скрижаль», «Иатроматематика», «Койраниды», «О растениях двенадцати знаков» и ряд других. Кроме этих произведений, существует большое число античных физических, алхимических и астрологических сочинений, вполне герметических по своему духу, традиционно относимых к низкому герметизму. То же касается и огромного числа средневековых текстов по астрологии, алхимии и иным областям тайных знаний¹⁰.

---

⁸ Джаммария. Эта неизвестная Алхимия. М.-Воронеж, 2011. С. 19.

⁹ Отметим, что не все современные исследователи согласны с разделением античного герметизма на «высший» и «низовой».

¹⁰ Лукомский Л.Ю. О личности и сочинениях Гермеса Трисмегиста // Высокий

Герметическая философия строится как философия Знания. Именно в этом ее фундаментальное отличие от любой религиозной системы, основанной на вере. А это, в свою очередь, означает овладение мыслью в практике «ее индивидуального становления, где индивидуально-истинному духовно пережитого опыта противопоставлено общеобязательно истинное отчужденно-априорного понятия»¹¹. Приобретая мистический опыт, каждый адепт приближается к Гермесу Трисмегисту, функция которого заключается в создании мостов между всеобщим и частным, содержащихся во множестве человеческих душ. «Трисмегист – очень характерное имя; оно указывает в том числе и на то, что его обладатель охватывает и земную, и небесную, и трансцендентно-всеобщую сферы мира. Таким образом, посвящаемый приобщался к мистическому средоточию сущего»¹².

Имя Гермеса привлекало герметическую философию из-за его многочисленных функций, которыми он был известен среди богов и людей. Это один из древнейших и многозначных богов. И если, возможно, как об этом пишет Роберт Грейвз «Гермес, сын Зевса и Майи»¹³, первоначально не был богом, а тотемной силой фаллического каменного стол-

---

герметизм. СПб., 2001. С. 9-11.

¹¹ Свасьян К.А. Становление европейской науки. М., 2002. С. 64.

¹² Светлов Р.В. Древняя языческая религиозность. СПб., 1993. С. 111.

¹³ «Имя матери Гермеса – титаниды Майи – на санскрите звучит как тауа и означает: 1) „силу волшебства“, „магию“, „колдовство“» 2) «иллюзию», «обман». – Демин В.Н. История Гипербореи. М., 2009. С. 122.

ба или пирамиды»¹⁴, то со временем он получил великое множество функций. Он был богом скотоводства и покровительствовал животным, поэтому часто изображался с бараном на плечах, став затем символом Доброго пастыря. Поскольку каменные менгиры (гермы) в античные времена стали использоваться как дорожные вехи – Гермес стал считаться богом-покровителем странников. Он также покровительствовал торговцам, слыл богом удачи, служил вестником богов и выполнял посольские функции; был богом сна и сновидений, красноречия и мышления и в этом качестве был покровителем школ. Как проводник душ – сопровождал умерших в преисподнюю¹⁵. Известно, что его сыновьями были Пан («бог всего») и Гермафродит – андрогинное существо, впоследствии ставшее одним из основных алхимических арканов. «Когда же он отождествлен с Тотом, богом не только словес, но и Луны, владывающей над демонами, то получился готовый образ „тайного“, стоящего в тени владыки»¹⁶.

В целом герметизм имеет два уровня. Первый – «практический». «Он представляет собой свод эзотерических магических знаний. Возможность магической власти вытекает из идеи „всеобщей симпатии“, разделявшейся герметиками. Все созданное Высшим началом пронизано демонами природных стихий. Обуздание их, использование в своих целях

---

¹⁴ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 39.

¹⁵ Словарь античности. М., 1989. С. 132.

¹⁶ Светлов Р.В. Указ. соч. С. 111.

возможно благодаря магии имен. Знание имени демонического олицетворения какого-либо из элементов универсума тождественно власти над его сущностью»¹⁷.

Второй уровень знания представляет собой герметическую Космогонию, содержащую откровение Гермеса Трисмегиста о сущности универсума. В этой области герметизм близок к гностицизму. Однако герметическая Космогония более традиционна, здесь отсутствует авраамическая идея греховной ошибки (хотя наличествует немало гностических, иудейских образов и сюжетов), в результате которой появился мир, а Космос создается преисполненным творческими потенциями божеством.

Практико-магическая и мистическая стороны герметизма дополняют друг друга, хотя, по всей видимости, они могли существовать и независимо. Широкое хождение герметические сочинения имели в III—V вв., причем некоторые не только в греческом оригинале, но и в переводе на латынь. Знакомство с ними демонстрировали в своих трудах апологеты и отцы христианской церкви. Тысячелетие спустя интерес к герметическим текстам пробудился вновь.

Эпоха Возрождения и раннего Нового времени представляет собой беспрецедентный по своему влиянию этап внедрения идей герметизма во все сферы интеллектуальной деятельности человека, что неудивительно после веков, следовавших за гонением всего, что не соответствовало но-

---

¹⁷ Там же.

вой европейской официальной парадигме. «Внедрение духа юристики в атмосферу гнозиса; победа латинского *ratio* над греческим *логосом*; осуждение Оригена в 543 году специальным эдиктом Юстиниана и местным Константинопольским собором; закрытие Афинской школы философов Юстинианом в 529 году и изгнание в Персию последних неоплатоников; замена трихотомии „дух-душа- тело” дихотомией „душа-тело” на Восьмом Вселенском Соборе в Константинополе в 869 году»¹⁸, когда общеобязательное и, в силу этого, – общедоступное – омрачалось наличием Духа, а «Дух – конкретнейшая сущность, обеспечивающая душе выход из рамок „субъективности” в „мир“, – досаждал и путал карты; уже одно его присутствие делало невозможным желанную „общеобязательность”»¹⁹. В духе же утверждались «индивидуум против стадности, внутренняя достоверность против документа, музыкальность против глухоты, личное понимание против авторитета, моральная фантазия против вымощенного долга, богоподобность против случайного генотипа»²⁰.

Эпоха Возрождения представляет собой необычайно интеллектуально насыщенное время, наполненное не только попытками восстановления идей Античности, но и переплавкой их в иных культурных контекстах. «По логике нам

---

¹⁸ Свасьян К.А. Указ. соч. С. 62.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 65-66.

неведомой, – писал Е.В. Головин, – магическая и мистическая мысль возрождения и барокко пыталась примирить и даже соединить языческий неоплатонизм, христианство, иудейскую кабалистику и арабскую метафизику – в результате смесь получилась невообразимая»²¹. Начиная с 1471 г., когда перевод и комментарии к «Поймандру» Марсилио Фичино были опубликованы впервые, и до конца XVI в. этот труд выдержал шестнадцать изданий. Неоплатонизм Фичино возводят к влиянию «Пира» Платона, к которому он также написал комментарии. Вся философия флорентийского «академика» покоилась на его переводах платонических, неоплатонических и герметических текстов. Вот как он представлял себе устройство Вселенной. Находящийся в центре мироздания Бог эмануирует красоту, «красота же есть божественный луч, заключенный в этих, некоторым образом вращающихся вокруг бога четырех кругах. Такой луч воспроизводит в этих четырех кругах все виды вещей. Эти виды мы обычно именуем в уме идеями, в душе – логосами [мыслимыми прообразами – *rationes*], в природе – семенами, в материи – формами. Поэтому в четырех кругах проявляются четыре сияния: идей – в первом, логосов – во втором, семян – в третьем и в последнем – форм»²².

Силы мироздания, как и у Платона, у Фичино сосредото-

---

²¹ Головин Е.В. Веселая наука. Протоколы совещаний. М., 2006. С. 168.

²² Фичино Марсилио. Комментарий на «Пир» Платона, О любви // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 1. С. 153.

точены в звездах. Свет звезд излучает и насыщает мироздание звездными качествами. Этим Фичино объяснял возможность астрологического и магического воздействия на жизнь человека и обратное влияние человека на космос посредством флюидов. Тем не менее, душа человека не полностью подчинена влиянию макрокосма. Фичино полагал, что душа состоит из трех частей: *imagination* (воображение), *ratio* (дискурсивный ум) и *mens* (интуитивный разум). Воздействию звездных сил подлежит, главным образом, лишь низшая часть души – воображение. Эфирный флюид, огненная пневма, перешедшая в неоплатонизм от стоиков, по Фичино, и есть та материя, через которую поступают в душу, посредством Воображения, звездные влияния.

«Непрерывная традиция „благочестивой философии“, старательно вычерчиваемая Фичино, – пишет О.Ф. Кудрявцев, – является, по сути, древней родословной „всеобщей религии“, этой естественной для рода людского и присущей всем народам религиозности, которая обнаруживает себя в поклонении единому Богу, какими бы обрядами оно ни совершалось, в естественном и общем представлении о Боге запечатлено (т.е. Им самим) во всех»²³. Для Фичино «всеобщая религия» есть религия вообще или – «самый род религии», проявляющейся в признании и почитании Бога правителем мира – «Единственное, что среди всех трудов

---

²³ Кудрявцев О.Ф. «Ученая религия» Флорентийской Платоновской Академии // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 88-89.

и страстей человеческих пребывает нерушимым». Доказывая истинность и непреходящую ценность «всеобщей религии», гуманист основывался на характерном для ренессансного мировоззрения убеждении о внутреннем единстве всех верований, конечном совпадении богопочитаний, в абсолютном тождестве общего объекта поклонения. С этой точки зрения Бог постоянно и непрерывно находится в состоянии откровения, и обрести их может любой человек, поскольку, по Фичино, «человеческий разум есть только отражение божественного разума»²⁴. А.Ф. Лосев писал, что «всеобщая религия не только не противоречила неоплатонизму Фичино, но, по-видимому, и самый неоплатонизм привлекался у Фичино именно ради нормы единой всеобщей структуры в понимании божества, т.е. ради освобождения человека от суровых заповедей и мифов общеизвестных исторических религий. Неоплатонический энтузиазм Фичино был только обратной стороной крепнущего рационализма и его оправдания светской жизни человека»²⁵. В этом, несомненно, – ключ к пониманию влияния герметизма на культуру эпохи Возрождения и начала Нового времени. С самого начала возрождения герметизма в переводах, а главное – в комментариях Марсилио Фичино, соседствовали платонизм, неоплатонизм и герметизм. Последний, в глазах современников, пропитывался неоплатонизмом и в какой-то степени им по-

---

²⁴ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1998. С. 339.

²⁵ Там же.

глощался, срастался с ним. Круг интересов Фичино и его патронов – Козимо Старого и Лоренцо Медичи – был не случаен. Переплетаясь, объясняя и уточняя одно – другим, платонизм, неоплатонизм и герметизм способствовали возникновению новой философской парадигмы, включая концепцию мироустройства и места в нем человека, на формирование которой они не слишком явно, но настойчиво претендовали.

И если интерес к герметизму в его неоплатонической интерпретации пробудился в Италии во второй половине XV в., то с самого начала следующего столетия он распространился в этой форме на другие страны Европы. Идеологический и культурный авторитет Гермеса Трисмегиста в это время был огромен: постепенно он стал в глазах ученых мужей древнейшим религиозным учителем и пророком, проповедником абсолютного, богооткровенного знания. Его «слова» с благоговением обсуждали в академиях, почтительно цитировали с университетских кафедр, толковали в ученых кружках, политической и религиозной публицистике, календарях, литературных диалогах, в поэзии. Его образ был довольно популярен среди ренессансных художников. Антуан Февр в монографии «Вечный Гермес» иллюстрирует этот процесс такими примерами: «Гермеса-Меркурия, возможно, никогда не обсуждали так, как в шестнадцатом столетии. Эразм в его „Adages“ намекает на это, комментируя выражение „Mercurius venit“ (которое можно перевести как „посыльный ангелов“); он ссылается на свой опыт внутренне-

го безмолвия, объясняя идентификацию Меркурия с архангелом Михаилом. По Бюде, Гермес был носителем многих принципов Гуманизма и в качестве посредника рассматривался в параллели с Иисусом Христом. В „Хароне“ Джоувани Потано (1491) и в его „Urania“ (в „Opera“, 1505) Меркурий толкует Экклезиаст и высказывает мнение по теологическим вопросам; он обладает огромной эрудицией и говорит о своем собственном рецепте ренессансной литературы»²⁶. Такое положение дел длилось почти столетие, и «лишь в конце XVI в. изысканиями выходца из Женевы, известного эллиниста Исаака Кабозона было установлено несоответствие герметических писаний сложившемуся вокруг них мифу. Прежде всего, сомнению были подвергнуты их авторство и давность. В результате они утратили ореол богооткровенных, пророческих книг»²⁷. В отличие от Джордано Бруно, помимо И. Кабозона, «многие авторы XVI в. отвергали герметическую магию, к тому времени уже объявленную ересью. К примеру, Лефевр д'Этапль (1460-1537), распространивший герметическое учение во Франции, не признавал Гермеса автором «Asclepius», а неоплатоник Симфориан Шампьер (1472-1539) пытался доказать, что тема магии привнесена в него вставками из Апулея. В XVI в. во Фран-

---

²⁶ Faiver A. The eternal Hermes. From Greek God to Alchemical Magus. Phanes Press, 1995. P. 30.

²⁷ Кудрявцев О.Ф. «Великое чудо человек»: Гермес Трисмегист // Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996. С. 8-9.

ции, как, впрочем, и в других европейских странах, исключительный авторитет герметического учения основывался, в первую очередь, на его религиозном универсализме, способном сгладить противоречия между конфессиями»²⁸.

Тем не менее, герметизм не сдавал свои позиции, в том числе и вследствие своей тесной связи с оккультной практикой. Опираясь на переводы и сочинения Марсилио Фичино, в нем видели магическое искусство, овладев которым можно воздействовать на объекты и отношения окружающей действительности с целью получения определенных результатов, в том числе и земных благ, как, например, золота и серебра в результате алхимической трансмутации вещества. Сами алхимические трактаты теперь уже не представлялись тарабарщиной, стимулирующей деятельность спаггириков и ловцов быстрой наживы. С точки зрения заново открывшегося неоплатонизма и его интерпретации герметизма, эти произведения заиграли новыми, невиданными смыслами, которые стали более доступны. О демонах, сопутствующих человеку в его жизни, о духах стихий и небесных светил, с которыми можно вступить в контакт, о теургии, животворящей кумиры, писали, вдохновленные герметическими трактатами, самые известные философы Возрождения. Агриппа Неттесгеймский и Теофраст Парацельс доводили до сведения публики способы практического приложения

---

²⁸ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации. М., 2008. С. 312.

открывшихся заново знаний.

В эпоху Возрождения, как справедливо замечает итальянский историк Эудженио Гарэн, «новый образ человека осознается и приобретает характерные измерения под знаком Гермеса Трисмегиста: он моделируется по очертаниям, прочно зафиксированным в герметических книгах»²⁹. Закономерен и весьма символичен тот факт, что «Речь о достоинстве человека» Джованни Пико дела Мирандола, одно из самых ярких и прославленных произведений гуманистической литературы, открывается цитатой из Гермеса Трисмегиста: «Великое чудо, о Асклепий, человек». Антропоцентризм такого рода создавал основу для магического культа человека. «Происходило оживление „герметики“ и „натуральной магии“, широкое распространение „нумерологии“, астрологии и алхимии, идей о пронизывающей все сущее мировой симпатии, красоты, проникающей во все сущее, „силы любовного тока“»³⁰. Казалось, что герметические трактаты, насквозь пронизанные идеями «забытого» неоплатонизма, давали возможность увидеть не только глубину, но и высоту пространства мироздания, пространства, в котором человек оказывался в море взаимодействующих с ним сил, доселе не осознанных, не зафиксированных, не описанных и не объясненных. Человек устремляется ввысь, за пределы известного

---

²⁹ Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 334.

³⁰ Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана. СПб., 1998. С. 26-27.

ему мира. На этом фоне совсем неудивителен успех фресок Корреджо, запечатлевших многоярусные конструкции, отражающие «иерархию, где между Богом и человеком помещается срединная зона планет, которой соответствует область воображения и души»³¹. Отображая Дух времени, Корреджо «строит свой мир как воронку, из центральной точки которой мир, бесконечно расширяясь, обрушивается вниз на зрителя, движущегося вверх, из земного мира действительности в мир промежуточной, срединной зоны, выполненной в технике обманки, к вершине видения»³².

При таком широком распространении герметизма и его влиянии на всю культуру Западной Европы, тем не менее, следует согласиться с М. Элиаде, отмечавшим в «Словаре религий, обрядов и верований», что «в действительности герметизм – всего лишь этикетка, приклеенная на астрологию, магию и алхимию, вырванные из культурной среды эпохи. Оригинальна только космогония из трактата Помайндр. Существование герметического сообщества в первые века н.э. проблематично, а в Средние века может быть только дурной выдумкой»³³. Из этого можно сделать вывод, что в течение времени необычайной популярности личности Гермес-

---

³¹ Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007. С. 126.

³² Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007. С. 135.

³³ Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. М., 2011. С. 316.

са Трисмегиста за всеми скрытыми, неявно читаемыми текстами, включая алхимические трактаты, закрепилось название «герметизм». В это название вкладывали определенный смысл: относящийся к кругу творений этого «учителя и пророка», и в то же время – «накрепко запечатанный» для тех, кто не способен постичь тексты, написанные символическим языком. Ю. Эвола в «Герметической традиции» писал: «Мы используем термин „герметическая традиция“ в том специальном значении, какой тот обрел в период Средневековья и Ренессанса. Он не будет соответствовать греко-египетскому культу Гермеса, а также отсылать исключительно к учению, представленному в александрийских текстах Герметического Свода. В том смысле, который мы придаем ему в данном труде, герметизм глубинно связан с традицией герметической»³⁴. Следовательно, если эту «традицию» нельзя отнести к эллинистическому, высокому герметизму, то она, очевидно, имеет отношение к общей с герметизмом мистической традиции. Однако Ю. Эвола отрицает связь алхимии с мистицизмом, на том, чисто «герметическом» основании, что «герметика – суть подлинная наука, в которой регенерация с первоначальным состоянием не несет никакого „морального“ значения, но является конкретным онтологическим фактом, каковому сопутствуют определенные сверхъестественные силы, проявлением коих, в том числе, может быть пре-

---

³⁴ Эвола Ю. Герметическая традиция. М.-Воронеж, 2010. С. 19.

словутая трансмутация металлических субстанций»³⁵.

Очевидно, несмотря на видимую целостность герметизма как явления и существование в литературе стойкой «убежденности в неизменности и преемственности того знания, которое мы называем герметизм, или, в более широком смысле, эзотеризм»³⁶, он, а на деле – скрытые в нем от посторонних глаз фрагменты мистической традиции, – в каждом из отдельно существующих направлений воспроизводились заново и интерпретировалась на разные лады. Параллельно со все большим, с одной стороны, увлечением тем, что приобрело название герметизм, а с другой – попытками развенчать его и низвести до моды на чернокнижие и волшебство, нарастало стремление ученых, таких как, например, Ф. Бэкон, отмежевать новую науку от ее связи с магией. Однако если внимательно прочесть его высказывания, относящиеся к магии, становится понятно, что отрещивался он отнюдь не от «всякой магии», а только от магии, идущей из низов, простонародной. Именно ее он называет суеверием, критикует и подчеркивает, что магия бывает разная. Так, в трактате «О достоинствах и преумножении наук», указывая, что цели наук, опирающихся на фантазию и веру, отнюдь не являются неблагородными, он писал: «...астрология стремится раскрыть тайны влияния высших сфер на низшие и господства первых над вторыми. Магия ставит

---

³⁵ Там же. С. 21.

³⁶ Розенкрейцеры: из молчания – свет. М., 2008, С. 8.

своей целью направить естественную философию от созерцания различных объектов к великим свершениям. Алхимия пытается отделить и извлечь инородные части вещей, скрывающиеся в естественных телах; сами же тела, загрязненные этими примесями, очистить; освободить то, что оказывается связанным, довести до совершенства то, что еще не созрело»³⁷. Критиковал Бэкон, в первую очередь, трудности в обучении этим наукам, которое «не является, как правило, открытым, но обставлено всяческими сложностями и таинственностью»³⁸, требуя раскрытия, «разгерметизирования» магических дисциплин. К магии в целом у него было два существенных вопроса. Первый: «каким образом можно усилить и развить воображение? Ведь если сильное воображение обладает таким огромным могуществом, то было бы важно узнать, какими способами его можно возбудить и заставить превзойти самого себя»³⁹. Вторым вопросом был связан с христианской этикой. «Если, – писал Ф. Бэкон, – наконец, эти обряды используются совершенно искренне для такого усиления, как своеобразное чисто физическое средство, причем нет никакого, даже малейшего, помышления о том, чтобы привлечь с их помощью силы злых духов, все же такие обряды должны считаться недопустимыми, потому что

---

³⁷ Бэкон Ф. Соч. в 2 т. Т. 1:0 достоинстве и приумножении наук. М., 1978. С. 110.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 271.

они противоречат словам бога, осудившего человека за его грех, – „В поте лица будешь добывать хлеб свой“, и грубо попирают их. Ведь такого рода магия ставит своей целью с помощью нескольких легких и отнюдь не мучительных действий получить те замечательные плоды, ценой которых по воле божьей должен быть труд»⁴⁰. Оба эти вопроса актуальны для многих культур мира и по сей день.

Осознавая тот факт, что наука еще не в состоянии уловить и зафиксировать причины изменения качества материи, ученые конца эпохи Возрождения и начала Нового времени сконцентрировали свои усилия на разработке способов количественных измерений параметров явлений природы и установлении функциональной зависимости между ними. В то же время дело обстояло таким образом, что все «естество-испытание» того времени находилось под глубоким впечатлением герметических представлений о существовании *prima materia* – внутренней энергетической сущности всех вещей во вселенной, основного движителя превращения материи. Вот как Ф. Бэкон обосновывал необходимость для новой науки исследовать это направление: «Я, во всяком случае, убежден, что едва ли можно что-нибудь коренным образом изменить или обновить в природе, полагаясь на какой-нибудь счастливый случай, или эксперимент, или на знание физических причин, которые осветят путь ис-

---

⁴⁰ Бэкон Ф. Соч. в 2 т. Т. 1: О достоинстве и приумножении наук. М., 1978. С. 272.

следования. Только открытие форм способно сделать это. А если мы считаем, что та часть метафизики, которая рассматривает формы, должна получить развитие, то отсюда следует, что равным образом должна получить развитие магия, которая связана с ней. Но здесь, как мне кажется, следует потребовать восстановления древнего и почтенного значения слова „магия“, которое долгое время воспринималось в дурном смысле. Мы же понимаем магию как науку, направляющую познание скрытых форм на свершение удивительных дел, которая, как обычно говорят, „соединяя активное с пассивным“, раскрывает великие тайны природы. Что же касается натуральной магии, о которой написано множество книг, излагающих какие-то наивные и суеверные представления и теории о симпатиях и антипатиях вещей, о тайных и специфических свойствах, равно как и пустые по преимуществу опыты, замечательные скорее своим искусством навлекать на все покров глубокой тайны, чем по существу, то едва ли будет ошибкой сказать, что эта магия так же далека в отношении природной истины от науки, которую мы хотим создать, как далеки в отношении исторической истины книги о подвигах Артура Британского или Гуго Бордосского»⁴¹.

Ученые позднего Возрождения и начала Нового времени, в той или иной степени, были одержимы идеей нащупать невидимую *prima materia*, которая стоит за миром видимым: присутствует в силе тяготения, магнетизме, электричестве,

---

⁴¹ Там же. С. 33.

силах, действующих в химических реакциях, в биологических секретах, в психических функциях; выявить ее местонахождение и законы действия. Их завораживала мысль о том, что то, «что движет Солнце и светила» и что стоит за движением мышц человека и животных, т.е. действует и на земле, и на небе, должно подчиняться одним и тем же законам действия Божественных эманаций. Вместе с этим одно из выражений природной или божественной движущей силы – посредничество, так необходимое при развитии капитализма, постепенно захватило все сферы стремительно изменяющегося хозяйства – начиная от банковских операций и заканчивая развитием рычажно-передаточных механизмов, в свою очередь, было близко концепции посредников (катализаторов) в процессах химических реакций. Все это требовало своего объяснения и описания механизма действия. Касаясь возникновения новой идеи универсальности науки, Э. Гуссерль писал: «Со свойственной ему дерзостью и оригинальностью новое человечество отныне очень скоро прозревает великий идеал всеобъемлющей науки, рациональной в этом новом смысле, или идее о том, что бесконечная совокупность сущего вообще в себе есть рациональное всеединство, каковым можно, притом без остатка, овладеть с помощью коррелятивной универсальной науки. Ее рационализм сразу же распространяется на естествознание и создает для него полностью новую идею математического естествознания, каковое долгое время по праву называлось Галилее-

вым»⁴². То есть, отталкиваясь от идеи уловить «невидимое», новоевропейские ученые невольно вооружались рациональностью и, подчиняясь господствовавшей идее «строгой научности», «выпадали» из сути поставленного ими же самими вопроса. В попытках понять, что такое материя и что собой представляет импульс ее движения, а в конечном итоге – существования, они останавливались на моменте ответа на вопрос, в чем разница между «божественной машиной» (живым существом. – *О.К*) и «искусственным автоматом», то есть между «искусством божественным и нашим», по словам Лейбница. Рационализм приводил к тому, что работа с описанием, вычленением, объяснением и поиском способов поставить на службу человеку все то, что проистекало из сферы репрезентации, происходила под знаком борьбы против «скрытых качеств». Не замечая внутреннего противоречия несовместимости запросов и методов их разрешения, наука XVI-XVII вв. все, что не имело строго математического описания и находилось в состоянии гипотез и допущений, обвиняла в «априорности». Оппоненты, не замечая ее у себя, обвиняли в этом подходе своих противников из конкурирующих научных направлений. «Так, ньютонианцы обвиняли в допущении „скрытых качеств“ Декарта и его школу. Гюйгенс, Лейбниц и картезианцы уличали в этом самого же Ньютона и его учеников». В это время к «скрытым качествам

---

⁴² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С. 39.

и силам» относили «закон тяготения, предполагающий возможность действия на расстоянии, абсолютное пространство и время, на которых покоится механика Ньютона» – с одной стороны, а с другой – «монады» Лейбница – как «формы» перипатетиков. Все, что не подходило под идеал естествознания и не было механистическим – то есть не было объяснено с помощью протяжения, фигуры и движения (картезианцы); непроницаемости, или абсолютной твердости материальных первоэлементов (атомисты); силы, трактованной каждым на свой лад (Лейбниц и Ньютон), – обвинялось в возвращении к средневековой физике с ее принципом «скрытых качеств»⁴³, а на деле – в «магичности сознания», несовместимого с «требованиями» новой науки.

Выросшие на герметических, натурфилософских и неоплатонических идеях, ученые XVI-XVII вв. всеми силами стремились найти научные доказательства их положений. И в то же время все дальше и дальше уходили вглубь своих научных направлений, поддаваясь логике самих исследований в большей степени, чем логике исходного импульса, толкнувшего их к созданию новой научной парадигмы. Так, П.П. Гайденок пишет, что теория об абсолютном пространстве Ньютона «идет не столько от христианской теологии, сколько от эзотерических учений, связанных с неоплатонизмом и каббалой и распространившихся в натурфилософии XVI и

---

⁴³ Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.): Формирование научных программ нового времени. М., 2010. С. 244-245.

XVII веков, особенно среди алхимиков, к которым, как показали последние публикации и исследования, принадлежал и Ньютон»⁴⁴. Также и теория всемирного тяготения появилась у него в связи с концепцией эфира, опиравшейся на алхимическую идею жизненного духа, «действующего и в земных элементах, и в живых организмах и составляющего как бы некоторую динамическую всепроникающую плазму, превращающую космос в единый живой универсум»⁴⁵. Эти идеи были широко распространены в это время и описывались во многих как натурфилософских, так и алхимических произведениях – Парацельса, отца и сына Ван Гельмонтов, Бернадино Телезио, Я. Беме. И здесь не последнюю роль сыграла именно алхимия, так как, по мнению Ф. Йейтс, «герметизм подвергся сильному влиянию со стороны алхимии, что было особенно важно, так как способствовало выработке нового, „математического“ подхода к природе»⁴⁶.

Идеями герметизма были одержимы не только ученые и философы. Сама культурная и художественная жизнь XVI - XVII вв. наполнена герметизмом. Художников и теоретиков искусства того времени интересовали не только «старые вопросы: „как изображает художник правильно?“ и „как изображает художник прекрасное?“ – пишет Э. Панофски. – Теперь эти вопросы соперничают с совершенно новыми: „как

---

⁴⁴ Там же. С. 272.

⁴⁵ Там же. С. 273.

⁴⁶ Йейтс Ф. Розенкрейцеровское Просвещение. М., 1999. С. 8.

вообще возможно художественное изображение, в особенности изображение прекрасного?» И чтобы ответить на оба этих вопроса, теперь привлекают все наследие метафизического умозрения, вообще находившееся в распоряжении эпохи, то есть как аристотелевски ориентированную систему средневековой схоластики, так и возрожденный с XV века неоплатонизм»⁴⁷, а, следовательно, и – герметизм.

Не случайно на всем протяжении XVI в. в искусстве господствовал маньеризм, постепенно перерастая в барокко. «Человеческая личность все еще трактуется как целиком определяемая божеством, но воспринятые ею божественные формы уже понимаются как субъективно-априорные. Ф. Цуккари (в трактате „Идея живописцев, скульпторов и архитекторов“ (1607) – О.К) выдвигает понятие *внутреннего рисунка*, который и делает впервые возможным как разбираться в чувственных восприятиях, так и творить художественное произведение. Чувственность несколько не отвергается. Но, по Цуккари, она необходимым образом обрабатывается и оформляется при помощи внутреннего рисунка в человеческом сознании. Этот внутренний рисунок человека настолько могуществен и богат, что он конкурирует как бы с самим богом и с природой»⁴⁸. Открываясь ворвавшимся в замкнутое средневековое мироздание Божественным эма-

---

⁴⁷ Панофски Э. *Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма*. СПб., 2002. С. 76.

⁴⁸ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 466.

нациям, художник конца эпохи Возрождения и начала Нового времени начинает переоценку собственной творческой искры, становясь сотворцом и проводником божественных идей в мир людей – все тем же посредником.

Характерен свойственный этому времени культурный плюрализм: «...поскольку уже поставлен вопрос о возможности воплощений идеальных форм в материи, постольку воплощение это не может быть всегда идеальным. Признаются возможными и самые разнообразные методы как воплощения идеи в материи, так и воплощения идеальной формы в соответствующем художественном произведении. Отсюда у эстетиков и искусствоведов как раз и возник термин „маньеризм“. Под „манерой“ здесь понимается та разнообразная форма соотношения идеи и материи, вопрос о которой еще не ставился на ступени Высокого Ренессанса»⁴⁹. Господствовавшее представление о том, что «человек – творец своей судьбы, предполагает и то, что и хорошее, и плохое в этой судьбе – творение рук человека и что вера в преобразовательные возможности индивида включает в себя и демонстрацию способностей виртуозного художественного преображения образа мира в стилистике маньеризма. Желая „улучшать природу искусством“, маньеристы-практики так же „не подражают никакой естественной форме“, как это в теории стремился делать известный мыслитель-гуманист Николай Кузанский, и используют в этом процессе эс-

---

⁴⁹ Там же. С. 466-467.

стетические категории не только „прекрасного“, „грации“, но и „безобразного“, разработанные гуманистами»⁵⁰. Вслед за маньеризмом, уже в XVII в., наступает эпоха барокко, эпоха, которая «являет сущностно разнородную и остро конфликтную картину во всех сферах материальной, духовной и художественной деятельности»⁵¹, заключающуюся не только в появлении нового художественного стиля, но и определенного способа мышления. Этот стиль «требует „острого ума“ (*acutezze*), т.е. способности мыслить метафорами, аллегориями, мгновенно соединять далеко отстоящие друг от друга понятия, быстро проникать в сущность явления»⁵². Так, крупный теоретик барокко Эмануэль Тезауро в своей работе «Подзорная труба Аристотеля» пишет, что главными качествами «острого ума» являются прозорливость и многосторонность. При этом: «прозорливость – это способность проникать в самые отдаленные глубины предметов, извлекать их наиболее существенные свойства»⁵³. Многосторонность же «быстро охватывает все эти сущности, их отноше-

---

⁵⁰ Пахсарьян Н.Т. XVII век как «эпоха противоречия»: парадоксы литературной целостности // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000. М., 2001. С. 40-69.

⁵¹ Каган М.С. Проблема барокко в искусствознании и культурологии // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: Материалы Международной научной конференции. Серия «Symposium». Вып. 17. СПб., 2001.

⁵² Шестаков В.П. Западное барокко в российской интерпретации // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. 2011. № 1 (3). URL: <http://www.cjournal.ru/rus/journals/42.html>&

⁵³ Там же.

ния между собой и к самому предмету; она их связывает и разделяет, увеличивает или уменьшает, выводит одно из другого, распознает одно по намекам другого и с поражающей ловкостью ставит одно на место другого, уподобляясь фокуснику в его искусстве»⁵⁴. Обладание этими качествами напрямую связано с увлечением герметизмом, алхимическими практиками, пропитавшими культуру эпохи позднего Возрождения и начала Нового времени. Именно они выдвинули на первый план не только научные, гуманитарные, эстетические и этические идеалы герметического происхождения, но и соответствующие способы их достижения и реализации.

В такой напряженной обстановке, которую испытывала созревающая западноевропейская культура Нового времени, характеризующейся непримиримой борьбой рационализма с эмпиризмом, сопровождающейся поисками способов рационального описания невидимых, но влияющих на зримые земные процессы импульсов и сил, представлявших рычагами управления миром, вышли к широкому читателю алхимические трактаты. Присовокупим сюда потрясение открытиями западным миром глубины небесного и небывалой широты земного пространств, роста объемов торгового и банковского капиталов, толкавшего к поискам дешевых заменителей всеобщего товарного эквивалента, вала переоткрытий античной, средневековой византийской и ближневосточной

---

⁵⁴ Гомбрих Э. История искусства. М., 1998. С. 625.

литературы, с их новыми идеями и способами восприятия мира, захлестнувших

Европейский континент. Немаловажными явились и первые успехи нарождающейся науки не только в описании мира, но и в деле удачного эксперимента, приводящего к реальным результатам, производственным и бытовым. Окинув взглядом все это и многое другое, имеющее отношение к становлению и развитию западноевропейской культуры XVI – XVII вв., мы поймем, насколько влиятельным оказалось ренессансное Возрождение алхимической традиции, так долго скрытой в редких манускриптах от пытливых глаз европейцев. На этом фоне было бы весьма продуктивно подробно рассмотреть сам источник этого несомненного и мощного влияния – Алхимию, ее символы, смыслы и культурные коды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.